

АЛЕКСЕЙ
ЦВЕТКОВ

СБОРНИК
ПЬЕС ДЛЯ
ЖИЗНИ
СОЛО

АЛЕКСЕЙ
ЦВЕТКОВ

СБОРНИК
ПЬЕС ДЛЯ
ЖИЗНИ
СОЛО

АРДИС

Copyright © 1978 by Ardis

**Published by Ardis
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104**

ISBN 0-88233-347-X

„Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя.

„Скажу ли: „может быть, тьма сокроет меня, и свет вокруг меня сделается ночью,” но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет.”

Пс. 138

СБОРНИК ПЬЕС ДЛЯ ЖИЗНИ СОЛО

(1970–1978)

Сторона моя ленью хитра.
Транспаранты и партии шатки.
Мы живем от Петра до Петра,
В промежутках играем в лошадки.
Города истекают вином,
Ходят тракторы степью погожей,
Но терпенье шагреновой кожей
Шевелится в углу потайном.

На распиле с полсотни колец,
Тишина топорами измята.
„Солженицын” звучит как „подлец”,
„Ходасевич” – обиднее мата.
Пастернак в расфасовке пайка,
Маяковский на стенде стеклянном,
Но молчим, заслоняясь стаканом,
Потому что терпимо пока.

Нет, не бисером кормят свиней,
Я бы тоже пошел в дровосеки,
Если б был хоть немного сильней,
Если б шапка сидела на Сеньке.
Я бы речи в эфир говорил,
Ядохнул бы морозом по коже...
Но хвала Тебе, Господи Боже,
Что ягненком меня сотворил!

Твоя земля, твоя до боли,
Безбрежной нежности любой,
Твои леса, могилы, боги,
Твоя нелегкая любовь,
Где помогает каждый камень
Печаль случайную терпеть –
Она лежит за облаками,
С тобою нет ее теперь.

Твоя тоска, твоя обида,
Как одинокая струна.
Тяжелым войлоком обита
Чужая дальняя страна.
Здесь та же изморось ложится
На подоконник и поверх,
Но никогда тебе не сжиться
С ее дыханием, поверь.

Нет, суть не в доблести гражданской,
Предлоги есть и похитрей,
Но сердцу дважды не рождаться,
Не выбирают матерей.
Пускай отчитывает сухо,
Обиды горькие творя,
Пусть попрошайка, потаскуха –
Она ведь родина твоя!

Твоя страна, твоя свобода,
Иной не просим у судьбы,
От ресторана до собора,
От урны до дверной скобы.

Когда невзгода сдавит горло,
Забьешься кроликом в узле
Припомни горестно и гордо:
Ты не подкидыш на земле.

В моем томительном изгнание,
Где спит сознание само,
Я, словно статуя с изнанки,
Храню великое клеймо.
В спине проточена ложбина,
И буквы тянутся светло:
*Все те же мы, нам целый мир чужбина,
Отечество нам – Царское Село!*

Оснастка с тополей, как бронза, облезала,
Метались воробьи без цели и вождя,
Когда в осенний мрак мы шли с тобой с вокзала,
Соразмеряя шаг с порывами дождя.
В троллейбусах текли обычные беседы:
О мясе, о судьбе, о матчах „Спартак”.
А мы брели дождем, и в воздухе висели
Особые слова, ненужные пока.
Неоновый туман над лужами клубился,
Под шквалом фонарей рассеивалась мгла.
И получилось так, что я в тебя влюбился,
Но только ты в меня влюбиться не могла.
Мы виделись не раз и расставались мирно,
Над бешенством стихий удерживая власть.
Но эта тишина, как часовая мина,
Все тикала в груди, пока не взорвалась.
Покуда этот бред со словом не вязался,
Я мысленно потел, сколачивая речь.
И получилось так, что я тебе признался,
Но только ты меня не смела остеречь.
Больна моя любовь, мечта моя бескрыла,
Ты полдень для нее, ты хлеб ее и кров.
Я без тебя ничто, чахоточный без Крыма,
Разлука, словно дым, пускает горлом кровь.
Лишь изредка, в уме, я обретаю дерзость,
Накатывает жар, тропические дни.
И получилось так, что я еще надеюсь.
Не прерывай меня, постой, повремени!

Вокзал. Электричка до Риги.
Я помню иной перегон.
Там голуби перья дарили,
С разлета врываясь в вагон,
Там ветер насвистывал тонко
В листве придорожных берез.
Здесь холодно, сыро — и только,
Здесь оторопь сердце берет.

Вокзал. Дождевая дремота.
Проход поездами зажат.
На тонких крючках перемета
Озябшие души дрожат.
Им счет и порядок потерян,
Желанья сковал светофор.
И новые рвутся, потея,
На мокрое тело платформ.

Мосты, оголенные на ночь,
Сирен удушающий вой.
Забудь меня, вычеркни напрочь,
Я проклят, я больше не твой.
Не мальчик, которого знала,
Но струсивший, мокрый, слепой,
Я встал под бесцветное знамя,
Глазами сливаясь с толпой.

Нас гонят гремучие метлы,
Беспамятство с темных сторон.
Забудь меня, слышишь, я мертвый,
В тяжелом дожде растворен.

Лицо раздираю ногтями,
Другим уступаю места.
Нас в реку голодную тянет,
Нас в воду свергает с моста.

Стою в ожиданье билета
В тисках пустоглазой возни.
О, Даугава, вечная Лета,
Волной мою память слизни,
Чтоб сердце не билось, трезвея,
Как полоз разбитых саней,
Чтоб быть мне бесхитростней зверя,
Лесного пожара сильней!

Природа слов тепла не лишена,
В них наши тайны искрами повисли.
Я все отдам за слово „тишина”,
За слово „жизнь” в его прощальном смысле.
В решетку типографского дождя
Заклочены мы, пленники Линнея.
Чем прозвенишь, что скажешь, уходя, —
Все выживет, в фонамах камня.
На будущие вечные дела,
Как сноп кистей, олифу и белила,
Пригоршню слов природа мне дала,
Кровоточащей глоткой наделила.
И чтобы свет сознания не мерк,
Чтоб серый холст не проступил в изъяне,
Гори, гори, словесный фейерверк,
Скрывая бред и сумрак обезьяний!
Как откровенны эти кружева,
Подобны полдню над безлистой чашей.
Плетись, пегас, пока душа жива,
Вперед и вверх по лестнице звучащей.

ЗВЕЗДНАЯ БАЛЛАДА

В провинции, на тайном полустанке,
Где на путях столетняя зола,
Тоска моя, наставница в отставке,
Забытый след овчаркою взяла.
В мирке пропойц и станционных граций,
Банальнейших ландшафтных декораций,
Закованных в невытое стекло,
Она меня настигла за колонной
И обожгла. И время потекло
Назад и вверх по плоскости наклонной.

Я онемел. И все, что было рядом,
Застыло за магической чертой:
Штиллебен со шрапнельным виноградом,
Скамейка под супружеской четой,
Дежурный в тюбетейке мухоморной,
Саманный храм общественной уборной
С извечными значками на стене.
И только тень растерзанного рая
Сгущала соль в отравленной слюне,
Реальность мира удостоверяя.

Во двор, в новорожденный понедельник
Я вышел наболевшей тишиной,
Где три звезды в забавах рукодельных
Веретено крутили надо мной.
В нагорьях дров потрескивали мышцы.
Вокзальный садик над зигзагом крыши
Упругие топорщил зеленыя.

Здесь все дышало, ерзало, пыхтело,
И думало, и жило за меня,
Глухой тоске предоставляя тело.

Товарняки текли по гулким жилам,
Шипел в троллеях грозовой накал,
Покуда я транзитным пассажиром
В ночные тайны нехотя вникал.
Землистый мир пакгаузных коробок
Вдоль полотна негаданно бок о бок
Сожительствовавал с шатким тростником,
Мой сонный мозг загадками опутав,
Абстрактнейшим раздумьем ни о ком,
Без примеси реальных атрибутов.

Чадили окна духотой казармы,
Молочный пруд светился вдалеке.
И я сжимал, как кукольник базарный,
Тугие нити в потном кулаке,
Как фокусник без должности и места.
В обрывках осторожного норд-веста
Консервной жестью лязгала листва,
Бездомный пес мочился под черешней.
И не было на свете естества
Всесильнее меня и безутешней.

Но в миг, когда душа по бездорожью
Переселялась в новое число,
Огромной ночи тушу носорожью
Вдруг хохотом безумным сотрясло.
Он прокатился с триумфальным воем
Над зыбким, неприкаянным покоем,
Где правил сон бездумно и темно,
Над сетью рек и перелесков дачных

И там, вверху, где три звезды коньячных
Крутили надо мной веретено.

МЕДЛЕННАЯ БАЛЛАДА

Скитались по лестницам, дымно и тяжело,
Отравным „Памиром” давились в углу.
И облачный свет, как ночная рубашка,
Прозрачным соблазном стекал по стеклу.
В изломах сердец полыхала обида,
И корчился полдень на кромке витка
Экранными бликами в кадре рапида,
Растерянный жест растянув на века.

Жара набухала, как мусорный ящик.
Дымилось перо на литом верстаке,
Черкая бумаги в поток исходящих
С нечаянным матом в казенной строке.
Пузырились гребни бумажного теста,
В курятнике мыслей гнусавил хорек,
Как будто мгновенье не двигалось с места,
Как будто минута текла поперек.

Брели наобум коридорным ущельем,
Сквозь строй турникетов плелись, не спеша,
Где сонный вахтер изможденным кощеем
Скупое бессмертие пил из ковша.
Паскудили бронхи автобусным чадом,
В газетном окне созерцали Вьетнам,
Жевали. И все это было началом
Единственной жизни, позволенной нам.

Ночной циферблат, увеличенный втрое,
Столетие в липах минут на пяток —

Как будто в земной перегретой утробе
Сорвался со шкива ременный поток.
Галантные па напомаженным сукам,
Пол-литра по кругу в подъездной тиши,
Курили. И все это было досугом,
Восторгом, хоть кол на макушке тещи!

Качалась луна, облаками перната,
Проскальзывал поезд, как нить с челнока,
Но медлила полночь, как медлит граната,
Когда в кулаке леденеет чека.
Впотьмах предавались минутному счастью.
Толклись на панелях, себе на уме.
И время клонилось к рассветному часу
Так медленномедленномедленно...

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Юнне Мориц

Когда бы не ветер, тогдашнего хлеще,
Кротом в корневище, ознобом в листву,
Вовек бы не знал любопытнейшей вещи —
Старинного вкуса к земному родству.
Сплетаются стебли, взращенные порознь,
Срастаются души в едином труде.
Я родом из Марбурга, поздняя поросль,
Нас двое оттуда в наемной орде.
Строфа не помеха, размер не преграда —
Я жажду, как славы, клейма ретрограда.
Пускай мы сходились от разных планет,
И разная дрожь пробежала по коже,
Но слово местами настолько похоже,
Что в выборе предка сомнения нет.

Когда бы не встреча, когда бы не эта
Рельефная запись лозой по листу,
Я был бы в неведенье долгие лета,
В забвенье земли, на которой расту.
Я был бы судьбой незавиднее прочих.
Но в ритме дыханья, в отливе строки
Таился знакомый до трепета почерк,
Тончайший прицел предвоенной руки.
Там был перебой в направленьях и модах,
Гостиная-память, где в темных комодах
Невиданно хрупок старинный фаянс.
Там путалась с дерзостью робость оленья

И долгие ночи я ждал вдохновенья,
Чтоб росчерком сердца скрепить мезальянс.

Ах, сколько б ни бился в излюбленном жанре,
Рожая перуны в десятки кулон —
Завидно, и хочется впасть в подражанье,
Из груды обломков собрать эталон,
Эскиз Парфенона в прозрении первом —
Замки посбиваю, заборы сниму.
Каким-то забытым реликтовым нервом
Я, кажется, насмерть прикован к нему.
Там лес парадоксов, там критик в сторожке.
Мы все поначалу кружили в сторонке,
Превыше бесславы страхась одного:
Тропы эпигонов, рискованной зоны.
Но в грозу лиловы глаза и газоны,
И это, бесспорное, в нас от него.

Без ветра в развилке, без молнии меткой
В словесном саду, где аллеи темны,
Я был бы навеки огрубленной веткой,
Побегом плюща у гранитной стены.
Я мог бы секстину, канцону и оду,
Но трезвая совесть с годами скупей.
Наверное, так обретают свободу —
Простым осознаньем врожденных цепей.
Втройне бы мне, Господи, памяти этой,
Где в звездное поле скользит эстафетой
Знакомая рифма на тонкой стреле.
В истоптанной почве, под облачной льдиной
Мы крепкого корня, мы крови единой,
Литое бессмертие в нашем стволе!

Дремал на крышах облачный колосс,
Текли машины, не переставая.
Под тяжестью приплюснутых колес
Натруженно гудела мостовая.
Мороженщицы прятали возки,
Пестрели лица темными очками,
И дворники носились взапуски
За пыльными газетными клочками.
Желтели вишни, засухой больны,
Пылали кроны в зареве карминном,
Но исподволь из влажной глубины
Накатывало мятой и жасмином.
Пора была и вправду нелегка,
Жила жара в бетоне и железе,
Но все цело, и пчелы тяжелели,
Наощуль добираясь до летка.
Дышали вербы гарью заводской,
Томила пустота предгрозовая,
А мы с утра сидели за рекой,
Заботы городские забывая.
Товарищи тогдашние мои —
Их имена поди теперь, упомни!
И запахи заржавленной хвои,
И солнцепек, до тления упорный,
Тяжелый ослепительный песок
И тополя, осыпанные ватой,
И прямо над водой зеленоватой
Мостки из покосившихся досок.
А многое и вспомнить тяжело,
Слабеет свет, и память засыпает.
Кто виноват, что прошлое прошло,

А будущее все не наступает?
Осенним днем присядешь на кровать,
Скользнешь глазами по намокшим крышам,
И хочется рассказывать о бывшем,
О невозвратном вслух повествовать...

Выйди с вечера к ручью
В неутихшем гаме.
Землю теплую, ничью
Выстели шагами.
Песню тихую шепча,
Прислонись к осине,
Подсмотри полет грача
В предзакатной сини.
Светят в сетке камыша
Городские зданья.
Как щемяще хороша
Свежесть увяданья!
Тонких рек живая ртуть,
Листьев тон звучащий –
Скоро птицам в дальний путь,
За моря и чащи.
Серебрятся облака
В проступивших звездах,
Словно лужи молока,
Пролитого в воздух.
Провисают провода
На столбе высоком.
Скоро времени вода
Повернет к истокам.

Снова грозы возводят с ревом
По оврагам свой частокол.
Все, что было цветком и словом,
Стало визгом и чесноком.
Догнивает лазурный полог,
На зрачках — голубой цемент.
Сумасшедший метеоролог
В ожерелье из перфолент,
В летней комнате горьковатой,
Выстилая собой диван,
Я гляжу, как горит экватор,
Поджигая меридиан.
И на глобусе ежедневно,
Словно издан такой закон,
То Малаховка, то Женева
Тает огненным языком.

Серый коршун планировал к лесу.
Моросило, хлебам не во зло.
Не везло в этот раз Ахиллесу,
Совершенно ему не везло,
И копье, как помешанный дятел,
Избегало искомых пустот.
То ли силу былую утратил,
То ли Гектор попался не тот.

Не везло Ахиллесу – и точка.
Черной радуги мокли столпы.
И Терсит, эта винная бочка,
Ухмылялся ему из толпы.
Тишина над судами летела,
Размывала печаль берега.
Все вернее усталого тела
Достигали удары врага.

Как по липкому прелому тесту,
Расползались удары меча.
Эта битва текла не по тексту,
Вдохновенный гекзаметр топча.
И печаль переполнила меру,
И по грудь клокотала тоска.
Агамемнон молился Гомеру,
Илиаде молились войска...

Я растягивать сказку не стану,
Исходя вдохновенной слюной:
В это утро к ахейскому стану
Вдохновенье стояло спиной.

Все едино — ни Спарты, ни Трои,
Раскололи кифару и плуг.
Мы одни среди пролитой крови,
Мы одни — посмотрите вокруг!

Входит ветер, года отмечая,
Контролером в трамвайный салон.
И глоток тепловатого чая
Достоверней меня за столом.
Теплый ветер держу на ладони,
Пробужденному телу не рад –
Тишины естество молодое
Убедительней тысячекрат.
Здесь не место растерянной злости –
Просто был я до времени глух.
Летний воздух торопится в гости
Исповедовать мышцы и кости,
Перекраивать зренье и слух.

Неспроста моя кожа землиста
И рассудок в смертельном пике.
В этом теле душа казуиста
Квартирует на скудном пайке.
Ей полезней пожить самотеком,
Не загадывать жизнь далеко,
И на кухне из чашки с котенком
Вышивать по утрам молоко.
В хлебном поле в канун изобилья
Не нащупаешь торной стези.
У гармонии тяжкие крылья,
Терпеливая поступь кобылья
И копыта в ноябрьской грязи.

И вновь, через годы, без боли и гнева,
Под северным небом нагим —
Прощай, моя участь, волшебница Ева,
Легко ли тебе за другим?
Ни строчки упрёка, ни слова протеста —
Так пасмурно было вдвоем.
И нет в моем сердце вакантного места,
И нет его в сердце твоём.

Прощай, моя робость, украдка ночная,
Грозы говорливый перун
В том ласковом мире, где жить начиная,
Я песней срывался со струн,
Где бережный шепот ресниц и вязанья,
Кольцо соколиных погонь,
Вечерних прогулок тропинка фазанья,
Зрачков обоюдный огонь.

Без соли в глазах, золотая свобода,
Без риска остаться одной —
Спасибо за свет с твоего небосвода,
За воздух в решетке грудной.
Мне впору твой профиль на облаке высечь,
Чтоб памяти проще жилось.
Спасибо за имя твое среди тысяч,
За цвет отшумевших волос.

Прощай, моя вера! За синим Уралом
Закат растворил города,
И медленный год в этом воздухе алом
Лицо твое стер навсегда,

Чтоб новая жизнь поднималась и крепла
На смену ушедшей сестре.
Прощай, моя молодость, феникс из пепла,
Зеленая ветка в костре!

Разлуки истовые свечи
В сердцах пылают до венка.
Уже пароль повторной встречи
Впечатан в нашу ДНК.

Сознание свернутые снасти
Расправит в области иной,
И будет совестно отчасти,
Что мы грядущему виной.

Учись искусству прототипа
До пресечения колеи,
Чтоб кривизной не прохватило
Тебя и оттиски твои.

Останься ветренным и свежим
До генетических глубин,
Подобно телу над манежем,
Когда отстегнут карабин.

Руки вымыты, морды гладки,
Все в кондиции, как скоты.
Ожидание неполадки,
Наступление пустоты.
Я влетел, как ослепший кролик,
В водопаде шампанских брызг
В этот мир, штормовой до коллик,
В этот зимний собачий визг.
Бронтозавры в кустах лещины
Состязаются, дребезжа.
Предвкушение чертовщины,
Состояние миража.
Вперемежку бонтон и косность,
Респектабельные стишки –
Но жгутом пролегает космос
От зубов до прямой кишки.
Некто сумрачный из пеласгов,
Злобовержец с рионских круч...
Весник зрелости, как неласков
Шелестящий закатный луч!
Здесь от Яузы до Фонтанки
Я растекся по мостовой.
И трясет меня, как в фанданго,
Каждой клеточкой и фалангой,
Каждой веною мозговой.

На лавочке у парковой опушки,
Где мокнет мох в тенистых уголках,
С утра сидят стеклянные старушки
С вязанием в морщинистых руках.
Мне по душе их спорая работа,
Крылатых спиц стремительная вязь.
Я в этом сне разыскивал кого-то,
И вот на них гляжу, остановясь.
Одна клубки распутывает лихо,
Другая вяжет, всматриваясь в даль,
А третья, как заправская портниха,
Аршинных ножниц стискивает сталь.

Мгновение неслышно пролетело,
Дымок подернул времени жерло.
Но вдруг они на миг прервали дело
И на меня взглянули тяжело.
В пустых зрачках сквозила скорбь немая.
Квадраты лиц – белее полотна.
И вспомнил я, еще не понимая,
Их греческие злые имена.
Они глядели, сумеречно сияясь
Повременить, помедлить, изменить.
Но эта, третья, странно покосилась
И разрубила спутанную нить.

Что касается любви – малярия мне знакома.
Относительно весны, эскалаторов метро –
Убедительно прошу: объявите вне закона!
Что-то важное в бегах, что-то лучшее мертво.
Относительно весны – если есть над нами боги,
Я просил бы страшных зим, остроты минувшей боли,
Светопреставленья, что ли – как ваш май неотразим!

Что касается стихов – эти будут не из лучших,
Не светиться, а зиять, как изнаночные швы.
Всю бы искренность сменял на любви мельчайший
лучик.

Поражение – за мной, победитель – это вы.
Кто приостановит бред, кто растопит ветер снежный?
Видно, кто-нибудь из вас, доверительный и нежный,
Здесь – на площади Манежной, там – открывши
на ночь газ.

Что касается души, относительно болота,
Обращающего в торф сотворенное расти –
С приземленьем, шер ами, с окончанием полета,
С наступлением весны, с карамелькою в горсти!
Потолкайся меж людей, на вокзале, у парома:
Выбирают перемет в легкую ладью Харона,
Чей-то поезд у перрона, птиц осенний перелет...

эти женщины в окне
торопливые соблазны
все движения в огне
предварительно согласны
пальцы липкие по шву
губ лекарственная сода
я не знаю чем живу
это лето без исхода
этот пагубный июль
с обольщением проворным
словно скляночка пилюль
с легким действием снотворным
снова окна через двор
звездной россыпью привычной
скоротечный уговор
царство похоти первичной
небосвод в глазной воде
заштампованная шалость
никому никто нигде
отказаться соглашаясь

Как небо над заводью, сердце замри,
Течение стрекоз не нарушь!
У Господа Бога на пядь земли
Колонна проектных душ.
Он снимет заступом пласт земной,
Столетия обнажив.
Но как же, Господи, быть со мной,
Который покуда жив?

Богаче отчего дом не строй —
Обиднее погоришь.
Вот так муравьи не меняют строй
И птицы в просветах крыш.
Уже огонь по всей стене,
Из мертвых глаз дымок.
Но что вы скажете обо мне,
Чего я сказать не мог?

Без веры клянчет усталый дух,
У врат шелестя сумой,
Такую жизнь, чтоб дороже двух,
Богаче себя самой.
Я помню землю моих поэм,
Я пел у ее огня.
Но что изменить, если сплю и ем,
А кажется — нет меня?

НЕВСКИЙ ТРИПТИХ

1

Дальше к западу гулкие стены,
Переплеты асфальтовых жил.
Так простимся по-доброму с теми,
Кто в отчизне щита не сложил.
Злобный ветер провыл над Сенатской,
Над сугробами воска-сырца.
Стали ментики рванью солдатской,
Темным торфом – живые сердца.

Этот бич просвистел не случайно,
Никому не уйти от судьбы.
Вдоль дорог от Невы до Сучана
Черепя украшают столбы.
Провода запевают тугие,
Темный ливень с гранитной скулы.
Над лесами звенят литургии,
До небес полыхают стволы.

Дальше к западу зимнее небо,
Терема из костей возвели.
Я прошел этим городом гнева
От вокзала до края земли.
Я возник из декабрьской метели
С поцелуем судьбы на виске.
И столетние гвозди кряхтели
Подо мной в эшафотной доске.

Лунный ливень по выгнутым шеям,
Горький камень под крупом коня.
В этой бронзе и в камне замшелом
Не сыскать нас до Судного Дня.
Острова неподвижны и хмуры
В пароксизме корыстной тоски.
Мы – глазастое племя, лемуры,
Совестливого студня мазки.

Вьется облако раненой птицей,
На стволах – золотая пыльца.
Я устал от ночных репетиций
Ледящего душу конца.
Самолетик с серебряной ниткой
Пауком над фабричной трубой.
На рассвете у стрелки гранитной
Флегетона свинцовый прибор.

Ночь без шороха, дым без движенья,
Крик без голоса, выстрел ничей,
Как Помпеи в канун изверженья
С пересветом стеклянных очей.
Так смотри же до гибели зренья:
Нежный пепел ложится вокруг,
И мостов разведенные звенья,
Словно взмах остывающих рук.

Про себя ты Иов или Каин –
Это имя сгорит между строк.
Человек обращается в камень,
Продлевается городу срок.
Пирамиды в удел знаменитым,
Некрологи в осьмушку листа –
Мы останемся невским гранитом
И чугунным скелетом моста.

Сентября колдовские парады,
С молотка пожелтевший товар.
Ты стоишь у садовой ограды,
По колени уйдя в тротуар.
Жухлый мрамор, сезонная раса,
Литосферы трагический гнет.
Нас оденут в листы плексигласа,
Только осень сильнеедохнет.

Фосфористые иглы бизаней,
Тишины нежилой водоем.
Раствори меня, рай обезьяний,
В неподатливом камне твоём!
Над заливом – туман осторожный,
Над Васильевским – свод листвоваго.
Уложи меня, Мастер Дорожный,
В основание Твоей мостовой!

Подходит лето. Шаг его негромок.
В сетях сирени зыбкий аквилон.
Живое сердце рвется из постромок,
Телегу лет толкая под уклон.

В щемящий час, сирени, как вахтерше,
Вручая ключ от радости земной,
Вдруг ощутишь, что нет утраты горше,
Чем перевал, лежащий за спиной.

Прости мне соль, что к памяти налипла,
Второй судьбы вовеки не иметь.
Над всем столетьем вздрагивает хрипло
Зари заката духовая медь.

Быть может все, что в силах удержать я,
Влача в секрете по составам лет,—
Улыбка глаз, тепло рукопожатья
И поцелуя выветренный след...

Надвигается вечер, стахановец в темном забое,
Исполняется время, судьбой запасенное впрок.
Прежде сумерек свет – остальное не стоит заботы,
Только б свету над нами гореть установленный срок.

Скоро спрячется мир под широкую лопасть прилива
(Наши нежные лица от прожитой жизни черны).
В этот солнечный миг даже кровь в наших венах пуглива,
И спидометр сердца дрожит у граничной черты.

Я прошу себе детство (а жизни уже половина),
Затянувшихся игр обращенные к небу дворы.
Успокойся, малыш, неудача твоя поправима,
Только б верхнему свету не гаснуть до смертной поры.

И покуда земля не сойдет с журавлиной орбиты,
И февральский закат не расколется, медно звеня,
Надо бережно жить, не тая ни вражды, ни обиды,
Как бывает во сне после долгого летнего дня.

Чтобы веру иметь и любовь находить непохожей,
Хлопотливым народам и каждому на одного
Нам от Бога нужна только звездочка пульса под кожей
И наверное свет, потому что темно без него.

Я хотел бы писать на латыни,
Чтоб словам умирать молодыми
С немотой в тускуланских глазах
Девятнадцать столетий назад.

На три пяди рассудок распахан,
И березы по краю стеной,
Чтобы ветер в секунду распада
Заворачивал ток временной.

Мы айдово племя и только,
Сотворенному жить не судьба.
Я за тех, кто растет без итога,
Параллельно и против себя.

От юнца до замшелого деда
В бонапарты глядят простаки.
У фортуны известное дело:
Колесо летописной строки.

Оставайся полынью и злаком,
В мире фауны каждый неправ,
И пиши с отрицательным знаком
Языком вымирающих трав.

Я шел один. Мне было нелегко. Я просыпался, ни во что не веря, глядел в просветы пагубных дверей в оцепененье пойманного зверя среди ручных, муштрованных зверей. Кто из живых устроил этот бред, ночного мира главный зоотехник, кто на земле бессонницу воздвиг, оставил клетками, стеклом богато изукрасил, и в тишине скитаться повелел таким, как я? Повальный крик, лоботомия сердца, бесполой дождь мгновенно кувыркнется, и сухо вновь, и пыль столбом вдоль ссохшихся извилин. Кончалась вахта. Вороненый филин на ветке дыбился, слепой древесный морж.

Я шел вперед, сверяя направление с архитектурой моего скелета, грудные ребра означали север, а должность юга исполнял крестец. Висел на шее путеводный камень, сто тысяч стадий до Большой Воды.

Вдоль моего пути стояли пагоды с крючками по краям для шляп и зонтиков трудящегося ламства. Направо ликовала Махаяна, налево куковала Хинаяна, и все усердствовали, хором восклицая и говоря: „Да здравствует Майтрея!“, и обнажали тощие зады.

Сто тысяч стадий до Большой Воды.

Господь, свидетель моего маршрута, не Ты ли шел передо мной в тумане, отодвигая зыбкий горизонт?

Б.Кенжесву

Опять суетливый Коперник
Меняет орбиту мою.
Спасибо, мой добрый соперник,
За память в далеком краю.

Поверить — не значит смириться,
Надежда не знает стыда.
Со мной ваши прежние лица
И лучшие дни навсегда.

Мне выпало жить, не умея,
В эпохи крутой перелом,
Но мудрая тень Птолемея
Сидела со мной за столом.

Оставим навеки друг другу
Тот мир за железной рекой,
Где солнце ходило по кругу
И звезды хранили покой.

Нальем за рожденную в споре,
Нечаянных ссор не тая,
За дружбу, которая вскоре
Вернется на круги своя.

Каждый злак земли подо мной
Наделен ощущеньем меры,
Каждый паводок, всякий гром.
Наступленье умеренной зры
Ощущается всем нутром.
Не расти по оврагам лесу,
По шоссе не бежать ручью.
Соглашаемся на ничью.
К прежним играм вкус утрачен
Без следа, и жребий лег на ребро.
В кошельках звенит серебро,
Кирпичом проезд обозначен.
Нет ни золота, ни алой меди,
Землеройки в погребе перевелись,
Передохли медведи.
Воцарились заяц, лиса и рысь.

Мы совьем гнездо
Меж Евфратом и Стиксом, Адом и Раем.
Пару соток под застройку,
Под огурцы отвели.
В детских сказках тарпаны и туры
Копытами мнут ковыли.
Мы остались в пустом кинозале,
Костер развели,
Вымираем.

Наступает эра коттеджей,
МалOVERов и медиан.
Шенетовский меридиан.

В мокрых сумерках осенних
Постучится у крыльца
Неотвязный собеседник
Тень без тела и лица.

Сестры тихие в палате,
Темный сок из-под бинтов...
Я спущусь к нему в халате:
„Извините, не готов.”

Он пером почешет в ухе,
Словно веником в шкафу,
Зачеркнет в своем гроссбухе
Надлежащую графу.

Скрипнет свежая перчатка,
Дробный дождик по плащу:
„Извините – опечатка.
„Будет время – навещу.”

Утром кровь на ревмопробу,
В вене светлая игла,
Долгий путь чужому гробу
Мимо сквера до угла.

В горький снег окуну рукавицы,
В зону ночи войду напролом.
Потемнело стекло роговицы –
Ни звезды под вороньим крылом.

На засовах заботы дневные.
Шепот сердца едва уловим.
Тишины потолки ледяные
Над ослепшим жильцом угловым.

Окружен голубыми ужами,
С большеглазым лицом малыша,
Я стою в аккуратной пижаме,
Оглянуться боюсь, не дыша.

Всем живым, что болит в человеке,
Мы затихнем с пургой заодно.
Это время проходит навеки –
Никогда не проходит оно!

Тихий звон в маповение мига,
Вздвинул анкер на полном скаку.
За жильцов ежедневного мира,
За анкет волевою строку!
Доцветает оконная рама,
И граненые стопки тверды
В снисходительном визге бурана,
В снежном сердце кипчакской орды.

Это полночь, раскосая дева,
В канители стоит, зелена.
Целина состраданья и гнева,
Первобытных умов целина.
Плачет молодость в бубне шаманском,
Подмерзающий год неглубок:
Полстраны по колено в шампанском,
И с маслиной летит голубок.

Новый срок под лихую погоду
В тихом блеске грядет из монгол.
Этот Гринвич проходит по горлу,
Отсекая сердца от мозгов.
Но без ропота, тенью повинной
Под январское небо войду.
Мой обрубок с твоей половиной
Сочленится в минувшем году.

Рассудок — это слишком резко,
Не обойдешься головой,
В ней много вычурного треска,
Унылой спеси мозговой.

У нас в ходу ланцет и призма,
Но суть разъятая бедна.
Под черным камнем силлогизма
Вся истина погребена.

Быть может, гордая наука
Для лучшей жизни хороша,
Где царство тяжести и звука,
И время длится не спеша.

А в нашем космосе ответом,
Чей смысл сквозь вещи не пророс,
Ты сам старайся быть ответом
На свой незаданный вопрос.

Внедря в обиход ночную смену суток,
Где голый циферблат смыкается в кольцо,
Мы окунаем жизнь в голубокий сумрак,
Чтоб утром воссоздать повадку и лицо.

И то, что в нас живет, и то, что дышит нами
От вязки пуповин до выдоха в ничто,
По скудости души мы именуем снами,
В дорическом мозгу имея решето.

Тому, кто будет мной, когда меня не станет,
Я завещаю речь, голубокий свет
В краю, где сон и явь меняются местами,
И выверен итог в столбцах житейских смет.

Я понял твой урок, сновидческая раса,
Пронзая сферу сна, как лазерный рубин.
Я спящий часовой предутреннего часа,
В котором светлый день возводят из руин.

Когда скворцов опасливая стая
Раскинется над нами чередой,
Материя нездешнего состава
Заговорит в коробке черепной.
С подобным соглядатаем извольте
Крутить мозги малаховской изольде,
Анапестом тетрадку линовать
В ольшанике, где лето на излете
И вскоре снег, и льда не миновать.

Один недуг – бессонница, цынга ли –
Агония сентябрьского тепла,
Когда деревья, дачные цыгане,
Выпрастывают темные тела.
Окончен праздник птичий и медвежий,
Уходит лето с топких побережий,
Как из ладоней трепетная ртуть.
И человек, как табор переезжий,
Внутри себя прокладывает путь.

На даче снег, вороний скрип холодный –
Нырнуть в постель и отоспаться влать.
Но человек на зимний лов подледный
Заботливо отлаживает снасть.
Он сам придумал зимнее уженье,
Он видит жизни тайное движенье,
Под коркой льда набухшее зерно.
Он смысл земли, ее изображение,
Творения последнее звено.

К чертям контрапункты – трагедия ищет азов!
Срастаются губы, как будто язык арестован.
Но плоть на трибуне, и плоти отчетливый зов
Толпе абонентов на равных паях адресован.

Но плоть у шлагбаума, вечен проклятый вопрос.
В таких постулатах душе уготована гибель.
Из корня Евклида изысканный Риман возрос,
Но в почву Эллады вернулся пресыщенный Гильберт.

Душа суверенна в свиданиях жил и костей,
Но стиснута плотью, и нами забыта постольку.
И надо воздвигнуть по калькам античных страстей
Из пепла теорий любви роковую постройку.

Ни лица, ни голоса больше,
Телефонный набор имен.
Все измерено, все как в Польше –
Договаривай, кто умен.
Больше в сумерках не балуем,
Поздней мудрости пьем бальзам.
Прежде в сумерках – поцелуем,
Нынче – лезвием по глазам.
Звезды осени, горки пепла,
По затмению на любой.
С той поры, как любовь ослепла,
Только ненависть – наубой.
Жутко, Господи, одиноко,
Словно в моечной пиджаку,
Словно в сельве над Ориноко
Комсомольскому вожаку.

Природа звезд намного превосходит
Безумные прозренья червяка.
Но как понять, что роза происходит
Из голого слепого черенка?
В находке обозначена утрата,
В покойнике — цветущая лоза,
И незаметной спички Герострата
На все творенье хватит за глаза.
Быть может, Бог — неисправимый практик,
На парадоксы плоские умен,
И вслед за разбеганием галактик —
Попятное движение времен.
Но я живой, на мне живая кожа,
Я тихий гость на дружеском пиру.
И жизнь моя невидимо похожа
На вашу жизнь, в которой я умру.
Не нужно роз, когда трава по пояс,
И черенков, когда цветут луга.
Я — тропики. Мне так же нужен полюс,
Как фокстерьеру — пятая нога.

Полыньями в алую кайму
Ледостав по травяному ложу.
Шорохом звезды не потревожу,
Окликом не выдам никому.
Тень моя колышется неловко,
Словно строк попарная рифмовка
В широте гомеровых морей,
Становясь прозрачней и мудрей.

Из окна, из белого квадрата,
Где сосна струится наотвес,
Я сойду, как пращур мой когда-то,
В пустоту сиреневых небес,
В незапятнанное междуречье,
Чтоб молвы туда не занесло
Из долин, где тело человежье
Продолжает жизни ремесло.

КАМЕННАЯ БАЛЛАДА

Пока я по свету брожу, полунем
От водки, в железном плену обихода,
Как тысячи лет до меня Полифем,
Пока за околицей спит непогода,
И мы в луна-парках, безумно горды,
Досуг предаем соловьям и гвоздикам,
Планета о камне поет безъязыком
Шершавым размером моренной гряды.

Обрыв, на который еще малышом
Я вышел в наследственном праве потомка,
Уходит во мрак, где торчат нагишом
Поющие скалы из пены потока.
Мы в рай обратили земной майорат,
Но нет нашей воли в кромешных глубинах,
Где долгие мили камней нелюбимых
О каменной жизни впотьмах говорят.

Я верю в упорство древесных корней,
Где высшая ставка на каждую почку.
Но как отыскать среди темных камней
Для бережной жизни надежную почву?
Их мертвый порядок с живым незнаком.
От наших теорий гранит не умнеет,
А смертное горло пропеть не умеет
Мелодию камня – своим языком.

Мы женщин целуем у блеклых осин,
Отборной пшеницей поля засеваем,

Мы строим заводы, мы жжем керосин,
И ногти стрижем, и друзей забываем.
Мы пленные овцы, загон на замке,
Не ведаем смысла закатного блика.
Планета дрожит от беззвучного крика,
А мы говорим на своем языке.

В осенних садах опадает листва,
Растут поколения с упорством недужным,
Но смертное тело не знает родства
С плитой диорита, с базальтом наружным.
Беснуется магма в земном позвонке,
Алмазная месса звенит перед Богом,
Поющие камни идут по дорогам –
А мы говорим на своем языке.

Курносая тень принимает швартовы.
Дыхания больше не трать.
Летит наше время, но мы не готовы —
С какой стороны умирать?

Шуршат под ногами колючие злаки,
Со стеблей летят семена.
Нас жизни учили дорожные знаки,
А здесь — навсегда целина.

Курносая тень, соименница ночи,
Зачем твое поле мертво?
Вчера еще девушек тихие очи
Меня согревали в метро.

Я жизни отмерил смертельную дозу,
Избытком ума не греша.
Я голым пришел к твоему перевозу,
Не взявши с собой ни гроша.

Полуживу – полуиграю,
Бумагу перышком мараю,
Вожу неопытной рукой.
Вот это – лес. Вот это – речка.
Двуногий символ человечка.
И ночь. И звезды над рекой.

Дыши, мой маленький уродец,
Бумажных стран первопроходец,
Молись развесистой звезде!
Тиха тропа твоя ночная,
Вода не движется речная
И лес в линованной воде.

Я сам под звездами нсмею,
Полухочу – полуумею,
Прозрачный, маленький такой,
С тех пор, как неумелый кто-то
Меня на листике блокнота
Изобразил живой рукой.

Судьба играет человеком
До смертной сырости на лбу.
Но человек берет из шкафа
Свою красивую трубу.

Она лежит в его ладонях,
Умелой тяжестью легка,
И полыхают над эстрадой
Ее латунные бока.

Как он живет, как он играет
В приемной Страшного Суда!
Он в каждой песне умирает
И выживает навсегда.

Он звездной родиной заброшен
На землю драки ножевой,
Такой потерянный и детский,
Еще живой, еще живой...

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Автор.

*Породу предам человечью,
Несметную силу страны
За космос, пронизанный речью,
Как светом речные стволы,
Чтоб медное сердце знобило,
Сшибая волной голыши,
Чтоб солнце мне музыкой было,
А зрение – слухом души.*

Гектор.

Ты не любовь, ты памятник любви.
Припомни, как уверенно жестоки
Чеканные провидческие строки.
Звонящие от Чили до Литвы.
Ты выдержка из греческих грамматик.
Еще не раз напыщенный романтик
Превознесет оружие врага,
Когда рапсодов бешеная раса
В утробе деревянного пегаса
Возьмет обманом Скейские врата.

К чему слова – они уже канон.
Предайся блюду, псам швырни ребенка!
Уже времен тяжелая гребенка
Над порослью приамовых колонн.
Есть фабула, и нам не сладить с нею,
Я даже струсить вовремя не смею,
Хоть до кости душа обнажена.

Я буду кровью на прибрежном камне,
Моя царевна, ты уже вдова мне
С тех пор, как трупу моему жена.

Андромаха.

Я знаю все, но я еще жива.
Я умерла — но я уже другая,
Пока размера мельница тугая
Ворочает над нами жернова.
Мной овладеют недруги — ну что же,
Еще стоит разостланное ложе,
Твоей любви дыхание храня.
Пускай ты предан греческому зверю —
Прощальный миг мне возместит потерю.
Я женщина, я ничему не верю,
Сложи свой щит и поцелуй меня!

ПЛАЧ АНДРОМАХИ

Выпрямлены звездные спирали,
Время перехвачено в пути.
По рисунку солнце собирали –
Главного осколка не найти.
Словно стаю подняли сорочью –
Чернота щербатая крепка.
Что мне делать этой долгой ночью
Без единственного черепка?

В зеркалах нахмурилась обида,
Где же я, лицо мое не то!
Протяни мне душу из Аида,
Я слаба – а ты уже никто!
Или для небесных уложений
Жизнь моя безумно тяжела?
Или семикратный уроженец
Лжет, и я вовеки не жила?

Не вчера ли нам солнце ударило в лица обоим?
(Разве воин твой брат – он не в силах поднять и метлы!)
Не вчера ли тебе я дитя поднесла перед боем?
(Наши стены падут, наши лучшие люди мертвы!)
Я припомнила все, мне доносов Кассандры не надо,
Я царевна твоя, Андромаха, твоя Илиада!..

Измените освещение сцены,
Белый в круг, ровнее голубой.
Мы опять взойдем на эти стены,
Наблюдать оттуда за тобой.

Кораблей, что в летней луже дафний,
В ожиданье замерли враги.
Выходи, мой завтрашний, мой давний!
Господи, он целится – беги!

В стороне, что веками богата,
Подытожив земные года,
На поляне лежал Татхагата
Перед тем, как уйти в никуда.
Шепот смерти звучал, как команда,
Вечный свет затмевался и гас.
И спросил его верный Ананда:
„Почему ты уходишь от нас?“

И ответил ему, умирая,
Татхагата: „Мой брат и слуга,
Посмотри, как из южного края
Возвращаются птицы в снега!
Мы избегнем пожизненной казни
За чертой, где молчанье бело,
Если сердце не знает боязни,
Если в воздухе держит крыло!“

Лучше за три сибирские Леты,
Через тундровый мак навсегда,
Где ведут юкагиры и кеты
Протокол выездного суда,
Где за нерпой тотема в трехмесячный мрак
Персефона стремится умиак.

Темнотой окольцованы годы,
Нет весов для сравнения заслуг.
Ремесло подневольной свободы,
Нелюбви терпеливый досуг.
Басилевсу – клеймо, колесница – рабу:
К одному нас поставят столбу.

Я и мертвый спрошу о немногом,
Если к судьям прорваться смогу:
Для чего мы устроены Богом
Без аршина и фунта в мозгу?
Нам отмерили век серебро и свинец.
Что же лучшее в нас, наконец?

Жил на свете мальчик детский,
Лыко плотное вязал.
Уходил на Павелецкий,
На Савеловский вокзал.

Надевал носки и брюки,
Над вопросами потел.
Все пытался по науке,
Все по-умному хотел.

Тряс кровать соседской дочке,
Тратил медные гроши,
Все искал опорной точки
В тонком воздухе души.

Этот мальчик философский
В суете научных дней
Стал умен, как Склифосовский,
Даже, видимо, умней.

Но не смог он убедиться,
Мозгом бережным юля,
Как летать умеет птица
Без мотора и руля.

Так давайте дружным хором
Песню детскую споем,
Как летает птица ворон
В тонком воздухе своем.

Все будет иначе гораздо,
Намеренно вряд ли совру:
За крайней чертою маразма
Поставят иную страну.
Военную спрячут секиру,
Напишут закон без затей,
И добрые матери миру
Родят ясноглазых детей.

Но в жизни по Божьим канонам
Течение времен таково,
Что в этом содружестве новом
Не вспомнят из нас никого.
И здорово кто-то обижен,
Усердствуя в поте лица,
Что память о скудости хижин
Исчезнет в достатке дворца.

Быть может, я жил небогато,
С плодами любви незнаком,
И муза, страшна и рогата,
Ходила за мной с узелком.
Мне было любить не под силу
В расцвете души молодом
Холодную тетку Россию
И ветра пожизненный дом.

Но я не духовные гимны –
Военные песни пою.
И строки мои анонимны,
Как воины в смертном бою.

Я вырос в скрещенье потоков,
Где кожа с души сведена.
Я сам, с разрешенья потомков,
Срываю с себя ордена.

I

Жжет мои руки чужая жаровня,
Нет очага моему шалашу.
Кто ж я такой, что живому не ровня,
Теплой добычи в гнездо не ношу?
Войска мне стоила эта победа,
Словно я ужин проспал до обеда,
Ловкий орел окрутил Ганимеда —
Прячься в тени, подневольный гордец!
Топают по снегу девочка Даша,
Женщина Крава под ношей ягдташа
С легким трофеем вечерних сердец.

Зябко мне гостем у зимних жаровен,
В пламени тела душа не видна.
Что мне утечи, что я не виновен,
В жизни, где совести стоит вина?
Евнуху поздно идти в моралисты.
Руки мои холодны и безлисты,
В сетунской роще январь наголо.
Женщина девочке пальчики греет,
Мертвое дерево в воздухе реет,
В синем снегу — неживое крыло.

Здесь я записан в древесную касту,
Зимней березой живу, не дыша.
В сетунской роще по тонкому насту
Бережной девочкой ходит душа.
Легкие годы звенят моментальной,

Кружево снега несется над спальней,
Катится поезд в глубоком логоу.
Светлая женщина в комнате дальней
Сердце березы несет к очагу.

Под взглядом твоим голубиным
Мне, кажется, только одно
Умение быть нелюбимым
Помимо таланта дано.
Я буду чужим человеком,
Взаимности призрак гоня.
Я сяду писать вадемекум
Для жизни твоей без меня.

Я стану пожизненной тенью,
Забуду свое ремесло
И буду подобен растенью,
Которое в землю вросло.
Живут же без боли камня,
Глотая простор голубой.
Не надо мне выше уменя,
Чем быть нелюбимым тобой.

Уйду в насекомое царство,
Травой расстелюсь на лугу.
Мне дружба твоя не лекарство,
А большего сметь не могу.
И жутко мне будет порою,
Что в мире, где ты молода,
Я дерево с горькой корою,
Не давшее миру плода.

И когда меня Бог Моисея
Подведет к моему рубежу,
Я любви непроросшее семя
У престола Его положу.

Я скажу Ему: „Господи правый!
Хоть и жил я спустя рукава,
Награди меня женщиной Кравой,
Если воля Твоя такова.

„Я охотно Тебе растолкую,
Как красива она и добра.
Сотвори мне вторую такую
Из рассекшего сердце ребра!”

Зачем же ласточки старались?
Над чем работали стрижи?
Так быстро в воздухе стирались
Тончайших крыльев чертежи.
Так ясно в воздухе рябило —
И вот, попробуй, перечти!
Так моментально это было —
Как будто не было почти.

И мы вот так же для кого-то
Плели в полете кружева.
Но крыльев тонкая работа
Недолго в воздухе жива.
К чему пророческие позы
Над измусоленным листом?
Мы только ласточки без пользы
В ничейном воздухе пустом.

С. Гандлевскому

Ах, отчего не может сбыться
Зимы период меловой,
Когда рассерженная птица
Кромсает свет над головой?
Уже по краешку обметан,
Зима снижается, и вот он
У доброй вечности в руках.
Ему не кончиться никак.

Когда нам меловые сутки
Наносит строгая зима,
Мои чрезмерные поступки
Не предают во мне ума.
В стране снегов и белых пятен
Мой черный цвет невероятен.
Но к очагу меня ведет
Толковый, правильный народ.

Кружится черная снежинка,
Кромсая свет по сторонам.
Зачем же времени машинка
Февраль отстукивает нам?
Горит луна из черных ножен.
Какой февраль теперь возможен?
В поля индийской конопли
Уходят жизни корабли.

Пока на войлочных подковах
Зима взберется на порог,
Меня в застолье у толковых

Осудят вдоль и поперек.
Но в календарной сетке буден
Еще не всякому подсуден
Мой первый свет и первый день
Безумной жизни набекрень.

Пока размеренная птица
Сшивает пестрые года,
Я пью за то, чему не сбыться,
Чему не сбыться никогда –
За ночь над тушинским ночлегом,
За белый свет над черным снегом,
Где мы у Бога под рукой
В прощальной жизни никакой.

Пой, соломинка в челюсти грабель!
Уцелевшие – наперечет.
Вот судьбы цилиндрический кабель
Из заплечной катушки течет.

Пой, травинка в зубастом железе,
Тереби утлывающий грунт.
В электрическом тонком надрезе
Тишины кристаллический труд.

Телеграфная Божья гитара,
Одуванчика сорванный крик.
В цилиндрической песне металла
Круговые сечения впритык.

В наслоениях млечного сока
Сквозь степной журавлиный помет
Возникает течение тока,
Электрический голос поет.

И не даром в обрыве течения,
Где озоном мой воздух запах,
Я судьбы круговые сечения
В искаленных стиснул зубах.

Припомните случай Колумба,
Прообраз земного труда.
Он в Индию плывал, голуба,
А вышел совсем не туда.

Возьмите историю Брута –
Он кровью родство искупил,
Но в целом по-своему круто
С республикой он поступил.

Случаются в жизни моменты,
Когда на развилке дорог
Мы сами себе оппоненты,
Таланты себе поперек.

Особое место ученым
Из редкой породы зануд,
Которые черное черным,
А белое белым зовут.

Но мы из другого металла,
Такое загнем иногда,
Как если бы кошка летала
И резала камни вода.

Как бы славно перестать
Все на свете понимать!
Отменить полет букашки,
Запах клевера и кашки
О колено поломать.
Сесть на краешке с любовью
Там, где высится едва,
Вроде перечницы с солью
Легкой ночи голова.

Император Марк Аврелий
В тонкой плесени чернил
Паче Нобелевских премий
Мысли умные ценил.
Мы забот его не знаем,
Размышляем не везде:
Мухам лапки обрываем,
Небу глазки вырезаем,
Косим дождик на заре.
Мы живем, не вызывая
Глупой зависти ни в ком,
Там, где голая ночная
Голова стоит торчком.

И рождаться, и жить позабудем,
Подгоревшего сердца на треть.
Ни к чему человеческим людям
Вулканической пылью гореть.

Я взгляну из альбомного кадра,
Воспаленную жизнь прекратив :
Смотровое стекло миокарда,
Вразумленных очей позитив.

С непривычки приподняты плечи,
Бесполезной верчу головой –
Как железные бабочки речи
В непроглядной ночи горловой,

В стародедовском ритме запетом,
Как с люмьеровых лент поезда.
Только тело уже под запретом,
А душа не имеет гнезда.

До хрипоты, по самый сумрак,
Пока словам работа есть,
Не застывай, венозный сурик,
Работай, флюгерная жесь.

Трудись, душа в утробе красной,
Как упряжной чукотский пес,
Чтоб молот памяти напрасной
Полвека в щепки не разнес.

Хребет под розги без наркоза,
Как Русь на борозду Петра,
Пока любовь еще не поза
Для искушенного пера.

Незарубцованною кожей
Верней запомнишь, не шутя,
Что человек – найденыш Божий,
А не любимое дитя.

Пока под кожей оловянной
Слова рождаются, шурша,
Работай, флюгер окаянный,
Скрипи, железная душа!

СЕРДЦЕ ПО КРУГУ

1

К.

Я уеду за тридцать морей.
Никогда ты не будешь моей.
Пусть обидят меня бестолковым судом,
Наряжая в слепца и ханжу,
Но тебе освещать недостроенный дом,
Из которого я уйду.

Поцелуй меня через порог —
Видно жить я на свете продрог.
Я запомнюсь лицом алебаstra белей,
С пятипалым тавром на плече,
Но уже с шереметьевских гулких полей
Восходя в журавлином ключе.

Не воротят кольца невода.
Ты не будешь моей никогда.
Покидает нору перелетный барсук
Под осенний сухой шепоток.
Трансурановых ядер семейный досуг
Рассекает нейтронный поток.

Я повисну меж пепельных туч,
Где таможенный горек сургуч.
Уравняю забвеньем друзей и врагов,
Разменяю на тридцать морей,
И чужая вода не найдет берегов
Кареглазой отчизны моей.

Л.Б.

И как эту легкость язык ни зови --
В разлуке с ума не сойду.
Мы жизненный срок проведем визави
За чайным сервизом в саду,
Где яблони держат в плену высоту
В заслон светового обвала.
Но только простимся на полном свету,
Чтоб тени душа не давала.

Когда соберешь поредевших гостей
К столу наступающих лет,
Пусть в дуршлаге перемытых костей
И мой побывает скелет.
Я сердцем осилю резец и сверло,
К столу неумело подсяду,
Но только старайся, чтоб было светло
И тень не бродила по саду.

Здесь каждый листок по-осеннему дорог.
Давай разговаривать без оговорок,
Чтоб сад и в разлуке остался высок,
И память, как мать, целовала в висок.

С.Г.

Время за полночь медленным камнем,
За холодным стеклом ни шиша.
Только мы до утра тараканим,
Насекомую службу верша.
В эту пору супружеской пашней
Рассыпают свои семена
Обитатели жизни всегдашней,
Не любившие нас дотемна.
Разве дома тебя не ругали
За привычку в такие часы
Разминаться по стенке кругами,
Вдохновенно топорща усы?
В эту пору внутри организма
Незакатное пламя бело,
Но, как яркий пример атавизма,
Нелетавшее дремлет крыло.

Не кори, что в ближайшую среду
Тихомолкой в кухонном тряпье
Я с родительской площади съеду,
Изменив тараканьей тропе.
Но зайдя к тебе прежде за шлнтус,
Керосину глотнуть задарма,
Я от слез неожиданных слипнусь,
И проститься не хватит ума.
Для того ли мы дни раздалили,
Как реликтовый бор под пилу,
Чтобы нас, наконец, раздавили
На чужом пенсильванском полу?

Б.К.

Наш выбор – не крест, а гитара,
Провидческой песни размер.
Но голос подарком кентавра
Свистящие глотки разъел.

Мы словом столетию вровень,
Но бронхи строка повредит –
И тело с неряшливых дровен
В потухшее небо глядит.

За этот подарок нечастый,
Лавровый убор на одре,
Крапленые фишки несчастий
Живых не обходят в игре.

Не ты ли, мой ласковый ментор,
Спеша на февральский вокзал,
Такою же горькою мерой
Отмерить себе не дерзал?

Так будь же счастливым посмертно,
Во всем одинаково плох,
Не дай тебе в жизни просвета
Судьбы не улыбчивый бог!

Ни крова в родимой округе,
Ни славы в кровавом труде,

Ни легкого тела подруги,
Ни верного друга в беде,

Чтоб вечные строки стекали
С десницы, как Божий хорал,
Чтоб я над твоими стихами
От зависти гордой сгорал.

Нам жить в индевеющей коже,
С обугленным солнцем в груди.
Храни моих недругов, Боже,
И только друзей – не щади!

До восхода успели одеться,
За едой второпях рассвело.
На крыльцо выносили Младенца,
подавали Марии в седло.
И шагнул за ворота Иосиф,
Мимолетного взгляда не бросив
На глухое спросонок село.

Петухи отгорланили зорю.
Гарнизону вручили приказ.
И вошли в обреченную зону,
Облеченные сталью кирас.
Вифлеем пробуждался дворами,
И привычно младенцы орали,
Как и в прежние годы не раз.

Поначалу входили робея,
Ковыряли копьем как-нибудь.
Но бросалась, рыча, Ниобея,
Словно рысь, на железную грудь.
И, обрызганы соком соленным,
По ребячьим мозгам несмышленным
Пролагали отчетливый путь

Виноградари царского сада,
Трудолюбием поражены.
А Иосиф семейное стадо
Уводил по тропе тишины,
По дороге, петляющей круто,

Предъявляя агентам „Сохнута”
Непросроченный паспорт Жены.

Я „фита” в латинском наборе,
Меч Аттилы сквозь ребра лет.
Я трава перекадиморе,
Выпейветер, запрягисвет.
Оберну суставы кожей,
Со зрачков нагар соскребу,
В средиземной ладони Божьей
Сверю с подлинником судьбу.
Память талая переполнит,
И пойдут берега вразнос.
Разве озеро долго помнит
Поцелуи рыб и стрекоз?
Я не Лот спиной к Содому,
Что затылочной костью слеп.
Я трава поверникдому,
Вспомнидруга, преломихлеб.
Но слеза размывает берег,
Я кружу над чужой кормой –
Алеутская птица Беринг,
Позабывшая путь домой.

Из пустыни за красной каемкой,
Из аорты, где кровь на замке,
Я притек в эту землю с котомкой,
Тридцать лет уместив в узелке.

От равнин Каракумов и Гоби,
Где вода, как свобода, ничья,
Я пригнал мои тощие годы
Напоить из живого ручья.

Хорошо в этом мире богатом,
Где за нас воцарили покой,
Отдохнуть безъязыким вагантам,
Кобзарям с перебитой рукой.

Того, кто к шепоту привык
Для нужд кухонного простора,
Не приведи сорваться в крик
От боли голоса простого.

Что проку в сейфе без замка?
Морей торжественная пена,
Не провоцируй Демосфена
Убрать морену с языка!

Тому, кто низменную гордость
Вскормил словесною халвой,
Всего верней умерить голос
И нерв проверить слуховой.

Кругам на зеркале пруда
Причина в камешке немногом.
Так говорят святые с Богом,
А Он их слышит без труда.

Полжизни положено вместе.
Забить ли чумной лазарет,
Ладони в колючем асбесте,
Глазниц голубой трафарет?

Ах, родина, отняты руки,
Зачем же горит надо мной
Звезда неотмытой разлуки,
Заботы твоей ледяной?

Под твердью из платины жидкой
По розному календарю
Мытищенской горькой снежинкой,
Таймырским торосом горю.

Глина многолетнего замеса,
Синева неутолимый плач
На тропинках лиственного леса,
На кольце правительственных дач
Оттого ли кажется дороже
Лозняка мещерских берегов,
Что сюда по усовской дороге
Двадцатиминутный перегон?

В дальний год не выпросить билета,
Но попробуй, сердцу запрети
По следам оставленного лета
Двойником березовым пройти.
Звездами просвеченная редко
Тень моя без гнева и стыда.
Доброй ночи, усовская ветка,
Спи спокойно – навсегда!

Надо выскоблить пол добела,
Подоконник в накопленной саже,
Но такая за ним глубина,
Что приблизиться боязно даже.
До небес тишина велика
В городском тупике непогожем,
И темна, как абзац Пильняка
В переводе на датский, положим.

Очевидно, имелось в виду,
Что луна молода и прекрасна,
А земле не поставишь в вину
Протяженность пустого пространства.
И приходится жить наугад,
Как безмозглый Адам на лугах,
С пауком и травинкой в обнимку,
На пространство строка анонимку.

Надо жить, как портновская пляшет игла,
Надо выскоблить мебель и пол добела,
Надо видеть свой дом от угла до угла,
Чтобы не было небу лазейки
Вроде вентиля или розетки,
И болеть голова не могла.

Над нами ночь. Места ее гористы.
В долинах день багровой медью спет.
Выходят молчаливые горнисты
Под темный свод, откуда родом свет.

Сквозь млечный пар, теряясь в небе низком,
Добро, что путь и выверен и прост,
Они бредут земным зеленым диском,
Ночная стража — на восточный пост.

Они стоят, как облачные свечи,
Слегка светя сквозь сумеречный газ.
Но в этот миг ты видишь только плечи,
А я впотьмах не различаю глаз.

За кладбищем земля бугриста,
Церквушки солнечный лубок,
И впереди, шагов на триста,
Фарватер грязен и глубок.

Здесь певчий прах почитет с миром,
Ворота вечности крепки.
Но даже в этом месте милым
Скончаться насмерть не с руки.

Который раз за первомаем
На городских своих пирах
Мы без опаски поминаем
Опальный нобелевский прах.

Наш дом — торговая палата.
Где испокон заведено,
Что цену правды и таланта
В стаканах выразить дано.

Еще в живых не стынут жилы,
Под силу сплунуть и чихнуть.
Но разве мы настолько живы,
Чтоб эту смерть перечеркнуть?

Кочевье призрачное это
К церквушке грязью напрямик,
И переделкинское лето,
Где к жизни заживо привык.

Когда я за Коптевским рынком стерег
По графику фирменный кафель,
Сновала пурга, словно пленный зверек,
И снег с подоконников капал.
Тогда с непривычки я думал: сбегу.
Но, чутко под окнами стоя,
Топтался фонарь по колено в снегу,
Как будто прикидывал, кто я.
Кругом простирался нетронутый двор,
Пурги роковая блокада.
И тощая кошка в пустой коридор
Влетала исчадием ада.
И медленный страх повисал надо мной
Скелетом с песочною меркой,
Когда затмевался твой образ дневной
У берега Сетуни мелкой.
Пускай твоя память погасла и спит,
Как поле под накипью белой,
Мне дорог тогдашний рискованный стыд,
Избыток любви неумелой,
Рассвет новогодний, который пока
Не вправе забыть и понять я,
И ужас, толкавший меня, дурака,
Той коптевской кошке в объятья.
А ночь на поверку была не сильна
По части премудрости адской.
Куда пострашней пролегала стена
По нашей провинции датской.
Задолго до срока моих похорон,
Спросивши законную лепту,
Меня перевез винтокрылый Харон

За гребень, за темную Лету.
Здесь праведный дух обретает покой,
Я помню об этом из книжек.
Но ветер забвенья за Летой-рекой
Мне памяти прежней не выжег.
Она кругосветным лучом ночника,
Ключом кровеносного ритма,
Можайским шоссе пролегла на века
В стенах моего лабиринта.

Ситуация А. Человек возвратился с попойки
В свой покинутый дом, на простор незастеленной койки,
Как шахтерская смена спускается в душный забой.
Он подобен корове в канун обязательной дойки,
Но доярка в запое, и что ему делать с собой?
Он прикроет окно, где свинцовые звезды навьлет.
Сигарету зажжет, бельевую веревку намылит
И неловко повиснет, скрипя потолочной скобой.

Ситуация В. Соблюдая отцовский обычай,
Он пройдет до конца по тропе орденов и отличий,
Приумножит почет и пристойный достаток в семье.
Но проснется душа, словно осенью выводок птичий,
И останется плоть остывать на садовой скамье.
Он ложится навек под ковер замерзающих пашен,
Погребальный пиджак орденами богато украшен.
Что он выиграл, бедный, с нетронутой болью в лице?

Ситуация А. Ситуация В. Ситуация С...

Не судите меня, торопливые мальчики детства!
Наши судьбы несхожи, но у Господа в кепке равны.
По кольцу Магеллана бегу, не успев оглядеться,
Чтобы в собственный дом упереться с другой стороны.

Я сорвался в карьер, и трибуны в презрительном вое,
Но с привычного круга не принудишь сойти рысака.
Не судите меня, мы подсудны Единственной Воле,
Полномочные звезды за нами следят свысока.

Ах, ледовое поле, что ж ты треснуло всей серединой!
Неужели вовеки не свидимся в Божьем аду,
Диоскуры мои, соучастники жизни единой
Или смерти на всех, от которой и я не уйду?

И кому воссоздать нашей дружбы расколотый слепок,
Как тевтонский витраж из кусков неживого стекла?
Не судите меня, напоите меня напоследок
Эликсиром забвенья, что не сходит у вас со стола.

Но пока не погасли расходящихся льдин очертанья
И обрывки речей различимы в ночной полутьме,
Поклянемся запомнить безжалостный год вычитанья,
Чтобы срок умноженья справедливо назначить в уме.

Отсюда солон или сух
Срединной жизни волок.
Перечисляю мысли вслух,
Пугаюсь оговорок.
Громоздкой речью полон рот,
Природа в горле комом,
И недоуздок губы рвет
Железом родниковым.
До крови содрана спина,
А кровь суха и солона.

Зачем же музыка и медь,
Тупой пехотный метод?
Неужто я назначен петь
На долгий волок этот?
Я вырос в теле испитом
Безглазым тягловым скотом
В срединном караване.
И вот дубленным лоскутом
Распят на барабане.
Надолго в голосе моем
Испуга стиснутый объем.

На четверых нетронутое мыло,
Семейный день в разорванном кругу.
Нас не было. А если что и было —
Четыре грустных тени на снегу.
Там нож упал — и в землю не вонзится.
Там зеркало, в котором отразится
Всем напряженьем кожи не смогу.

Прильну зрачком к трубе тридцатикратной —
У зрения отторгнуты права.
Где близкие мои? Где дом, где брат мой
И город мой? Где ветер и трава?
Стропила дней подрублены отъездом.
Безумный плотник в воздухе отвесном
Огромные расправил рукава.

Кто в смертный путь мне выгладил сорочку
И проводил медлительным двором?
Нас не было. Мы жили в одиночку,
Не до любви нам было вчетвером.
Ах, зеркало под суриком свекольным,
Безумный плотник с ножиком стекольным,
С рулеткой, с ватерпасом, с топором...

На земле пустая лебеда,
Горизонт раздвоенный приподнят.
Умираешь – тоже не беда,
Под землю известь и вода
Вещество до края переполнят.

Краток век собачий или птичий,
Повсеместно смерть вошла в обычай.
Тех, что в детстве пели надо мной,
На ветвях не видно ни одной.
Кошки нашей юности заветной
Выбыли из жизни незаметной,
Каждая в могилке ледяной.

Больше Горького и Короленки,
Отошедших в землю подо мной,
Для меня значенье канарейки,
Лошади порядок потайной.
Даже дети, целясь из рогатки,
Не дадут нам смысла и разгадки,
Потому что известь и вода
Не заменят птицы никогда.

Речь перевернута. Щупаю дно головой.
С выслугой срока скитается неподалеку
Прежний язык. От печи отлучен горновой,
Кончено. Речь изменила свою подоплеку.

Прежняя речь, атлантический шов поперек —
Так паралитик пройти не силен за калитку,
Но и тогда, чтоб чужую Господь поберег,
Из подземелья души продолжает молитву.

В клепаной бочке меня атлантический ров
Вывез на запад любить материк незнакомый.
Не прозвучит над печалью московских дворов
Птичий язык, человеческий язык насекомый.

В каменном горле багровые фразы дотла.
Треть перегона земля добрала к обороту.
Койку под лестницей мачеха речь отвела,
Прежняя мать по чужим продолжает работу.

В короткую ночь перелетной порой
Я имя твое повторял, как пароль.
Под окнами липа шумела,
И месяц вонзался в нее топором,
Щербатым, как профиль Шопена.
Нам липа шептала, что ночь коротка –
Последняя спичка на дне коробка.

Я имя твое наготове берег,
Как гром тишина грозовая,
Летя по Каретной в табачный ларек,
Авансом такси вызывая.
Пустые звонки вырывались из рук,
Над почтой минуты мигали.
На город снижался невидимый звук,
Мазурку сшивая кругами.
Не я тебе липу сажал под окном,
Дорогу свою не стелил полотном.
Слеза моя, кровь и ключица,
Нам без толку выпало вместе, в одном
Раздвоенном мире случиться.

Останется воздух, а дерево – прах,
Пространство спешит на свободу.
Нам выпало жить в сопряженных мирах,
Без разницы звезд над собою.
Я черный Манхэттен измеряю пешком,
Где месяц висит над бетонным мешком,
Сигнальная капля живая,
Минуту с минутой, стежок за стежком,
Мазурку из мрака сшивая.

Отсюда в май прокладывают кабель,
Откачивают время из реки.
В такие дни красноречивей камень
И голоса древесные крепки.

Из блиндажей нам виден обнаженный
Продольный год с ходами напролом.
И наша жизнь, как камень обожженный,
Не ощущает боли под кайлом.

Грузовики торопятся к парому,
Последний месяц выдан палачам,
И времени порожнюю породу
Бульдозеры утюжат по ночам.

Придет бумага, упадет монета —
Пора неотвратима и близка,
Когда над нами рукоять магнето
Ревущий год поднимет из песка.

Грозный Курбскому — бандероль, а Пушкин — Дельвигу; набухает в ночном котле звездное пшено. Нет прощения камышу, исповеди дереву. Надо стариться на земле, а начинать смешно. Запускают карусель, отъезд по вызову, словно некому вверху оборвать виток. Нужен гербовый документ со стигийской визою, с белым оттиском звезды в рубрике „итог”.

Сталин Рузвельту строчит, зенит почтового сезона. Пой, серебряный рожок, весело в седле! Мчатся по небу часы от Ист-Ривера до Гудзона, трудно времени течь в фиолетовом киселе. Бьется ветер у бедра,

змей подостлан твердо,
в прошлогодних звездах
тихая река.

Подо мною конь Петра,
бронзовая морда,
и в железный воздух
вправлена рука...

Небо с немочью зубною
Спит в рентгеновском луче.
Ходит смерть моя за мною
С бормашиной на плече.
Боль проложена повсюду,
Не унять ее, паскуду,
Даже током УВЧ.

Ночь у лавочки табачной
Темной болью проливной.
Кроме жизни неудачной
Нет надежды под луной.
Свет неоновый по коже —
Нынче в жизни непогоже,
В горле горькая вода.
Я друзей моих, похоже,
Не увижу никогда.

Есть у смертного обуза
В виде спелого арбуза
Под картузным козырьком
С неподвижным языком.
И лицо его бывшее
На живых глядит в поту,
Словно сердце нежилое
Отражается во рту.

Весь в сазаньих плавниках
Лес висит, седея.
Видно, нет меня никак,
Это снюсь себе я.
Лето в золоте до крыш
На родной сторонке,
А лицо мое — камыш
В водяной воронке.
Был я голосом высок
В дружеском совете,
Но рассыпался в песок —
Нет меня на свете.
Сплю — и нет меня во сне,
Только рыба на сосне.

Смотрит дерево в ручей
Головой опрятной,
Потому что нет ключей
От воды обратной.
Привыкай висеть ковшом
В тесном небе небольшом,
Для того и поднят.
В прежнем городе твоём
Тени сходят в водоем,
Ничего не помнят.
Смотрят в воду — лес высок,
Звезды сброшены в песок.

Мы к осени пить перестанем,
Освоим гражданскую речь,
И мебель в домах переставим,
Чтоб не было места прилечь.
Над табором галок картавых
Синайская злая гроза.
Но рыбы в подводных кварталах
Закреть не умеют глаза.
Взлетает оленья приманка
В рассеянный свет неживой,
А сердце на грани припадка
В упряжке любви гужевой.
Пространство сгущается к ночи,
Лежит на ветвях, как слюда.
Но рыб негасимые очи
Глядят из девонского льда,
Как времени грубые звенья
Наощупь срastaются в век.
А мы не имеем забвенья,
Стеная у медленных рек.

Земли доверчивая гряда,
Пространства синяя тетрадь.
Приходит лето ниоткуда
Пропашим воздухом играть.

Легко устроена природа,
Послушны ветру облака,
Но нет у воздуха приплода,
Как у оленя и быка.

И в синеве его безрукой,
Как атлантический залив,
Мы дышим полною разлукой,
Глаза ненужные закрыв.

Свети, слепой и синеокий,
Над кровеносной пустотой,
Июльский воздух одинокий,
Осколок памяти святой!

Поставили гром на колеса
В обоз до великих озер.
Я – мертвое поле покоса,
Топчи меня, вражий дозор.
В саду городских новоселий
Сентябрьский горит адресок.
Погони чертеж невеселый
Кладут на гавайский песок.

Побег провалился, зато ты
Глядел с кругосветных галер,
Как медленный порох заботы
В можайское небо горел.
И вскоре присяжный святитель
Заставит признать со стыдом,
Что ты уцелел, как свидетель,
А время твое – под судом.

Напрасно поругано братство
И детство, где быть не бывал
С тех пор, как в патетику Брамса
Бикфордовы гвозди вбивал.
Срастаются в Этну напевы –
Сарматским лицом безволос,
Солист иосафатской капеллы
Гранитное соло вознес.

Я честный плательщик налогов,
Висящий над этой дырой,
Не то, что писатель Набоков –
Он бабочек мучить герой.

Сравниется наша зарплата
И певчая сила точь в точь,
Когда пустырями заката
Нас бабочки выведут в ночь.

Месяц медленного бега,
Камня мертвая струя.
Словно вещего Олега,
Стережет меня змея.
Жизни мельничная спешка,
Звезд пожизненная слежка —
Мир в нейлоновом дыму.
Утешать меня не надо:
От неграмотного гада
Этой смерти не приму.

День ложится на вагонку,
Под коптящую свечу.
Я лежу ему вдогонку,
Спину мертвую лечу.
Что-то змеи ходят стадом —
Глаз да глаз за этим гадом,
Ночи медные без сна,
Бреда медленный проселок,
Жизни мельничный осколок —
Койка мертвому тесна.

Я и так дышать не смею,
Прячу воздух в узелок,
И уже другому змею
Сердце послано в залог.
Как в работу отдавали,
Беглый ветер подковали,
В балке плакала трава,
Потому что в ветре вера,

Песни мельничная мера,
Млечной жизни жернова.

Как солнце в облаке тяжелом,
Лежала улица в окне,
Когда весна была ожогом,
А лето – гибелью вполне.
Начальных дней чередованье
Сжигало детство новизной,
И казнью чрез четвертованье
Грозилась улица весной.

Когда из политых бороздок
Взлетали мальвы тяжело,
За ними комнатный подросток
Следил в оконное жерло.
Сентябрь, как медное полено,
Сгорал до первого дождя,
Но детство бедное болело,
Под новым снегом проходя.

В заклеенной скорлупке грецкой
Тропинка ненависти детской
В горящих мальвах под окном
Катилась белым полотном.

Трехцветную память, как варежку, свяжем,
У проруби лет соберемся втроем.
Я вспомнил, что дома, в Елабуге, скажем,
Испытанный мне уготован прием.

Товарищ мой верил в стихи, как в примету,
В подкову, как всадник на полном скаку,
И ясно, что я непременно приеду,
Коль скоро не выбросил эту строку.

Мне выдан в дорогу пятак полустертый
В конце отпереть кольцевое метро
И шесть падежей, из которых четвертый
На крестном листе распинает перо.

Товарищ мой выпьет с друзьями в зарплату,
Бездомным подпаском проспится в кустах,
Откуда весь день по дороге к закату
Трехцветные флаги бегут на шестах.

Мы странно дружили, мы виделись редко,
Пройдя Зодиак под конвоем Стрельца
В ту пору, когда радиальная ветка
Меня навсегда уносила с кольца.

Оскудевает времени руда.
Приходит смерть, не нанося вреда.
К машине сводят под руки подругу.
Покойник разодет, как атташе.
Знакомые съезжаются в округу
В надеждах выпить о его душе.

Покойник жил – и нет его уже,
Отгружен в музыкальном багаже.
И каждый пьет, имея убежденье,
Что за столом все возрасты равны,
Как будто смерть – такое учреждение,
Где очередь с обратной стороны.

Поет гармонь. На стол несут вино.
А между тем все умерли давно,
Сойдясь в застолье от семейных выгод
Под музыку знакомых развозить,
Поскольку жизнь всегда имеет выход,
И это смерть. А ей не возразить.

Возьми гармонь и пой издалика
О том, как жизнь тепла и велика,
О женщине, подаренной другому,
О пыльных мальвах по дороге к дому,
О том, как после стольких лет труда
Приходит смерть. И это не беда.

НА СМЕРТЬ В. НАБОКОВА

Песня, как ржавый клинок, не идет из ножен —
Без толку, что поединки разрешены.
Наши слова, пока линотип стреножен,
Яблоками висят на ветвях тишины.
Свет на виду, но никак не дойти до места.
Вешенский Сцевола в варежках из асбеста
В вечном огне поворачивает блины.

Свет перечеркнут швом, как полотно в панораме,
Песня кровоточит на стыке таком.
Марш с котелком за бравыми поварами
Вдоль Волго-Дона за нобелевским пайком!
Полночь отбоя у яблоневого леса.
Краешком света пропархивает ванесса —
Кто-то в строю сачок тербит тайком.

Трещина в грунте, в лафете черная шелка,
Холст ненадежен, сбоят коренник хромой.
Рушится небо в разрыв парашютного шелка
У Золотых Ворот, по пути домой.
Сосны по всей земле истекают латунным соком,
Ночь, как Женевское озеро в камне высоком —
Перед концом отпей и лицо омой.

Подняты флаги, запрещены поединки,
Пепел побега выметен из дворца.
Бабочки в ветре, как голубые льдинки,
Медленных яблонь оттаявшие сердца.
В ножны вложен сачок, исчерпано прежнее средство.

**Близится схватка миров за вешенское наследство –
Сядь к линотипу и мира проси у Творца!**

зачем живешь когда не страшно
как будто вещь или плотва
и до утра в твоём стакане
вода печальная мертва
душа воды не выбирает
в просвете стиксовых осин
но до отметки выгорает
ее кровавый керосин

живущий в страхе неустанном
не может вспомнить об одном
а смерть железным кабестаном
всю жизнь скрипела за окном
и надо бережно бояться
как девочка или лоза
когда над озером гноятся
беды любимые глаза

твой прежний ум обезоружен
в сетях великого ловца
но дар судьбы как плотный
еще не съеден до конца
и ты живешь в спокойном страхе
не умирая никогда
пока в осиновой рубахе
поет высокая вода

человек выходит в поле
как простое деревцо
словно листик станиоля
шелестит его лицо
в голове глаза пробиты
вся душа его видна
человеку нет работы
только смерть или война

птицы петлями двойными
отраженья на траве
пешеход стоит под ними
держит небо в голове
долгий день на воле прожит
ночь приходит на развод
пешеход уйти не может
словно дерево растет

гражданин растет у брода
высека его нога
в голове его природа
как прозрачная фольга
время жизни постепенной
продвигается рекой
но руке его военной
нет работы никакой

В тот год была неделя без среды
И уговор, что послезавтра съеду.
Из вторника вели твои следы
В никак не наступающую среду.
Я понимал, что это чепуха,
Похмельный крен в моем рассудке хмуром.
Но прилипающим к стеклу лемуром
Я говорил с тобой из четверга.
Висела в сердце взорванная мина,
Стояла ночь, как виноватый гость.
Тогда пришли. И малый атлас мира
Повесили на календарный гвоздь.

Я жил еще, дыша и наблюдая,
Мне зеркало шептало: „Не грусти!”
Но жизнь была, как рыба молодая,
Обглоданная ночью до кости –
В квартире, звездным оловом пропахшей,
Она дрожала хордовой струной.
И я листок твоей среды пропавшей
Подклеил в атлас мира отрывной.
Среда была на полдороге к Минску,
Где тень моя протягивала миску
Из четверга, сквозь полог слюдяной.

В тот год часы прозрачные редели
На западе, где небо зеленой –
Но это ложь. Среда в твоей неделе
Была всегда. И пятница за ней,
Когда сгорели календарь и карта.
И в пустоте квартиры неземной

Я в руки брал то Гуссерля, то Канта,
И пел с листа. И ты была со мной.

Я помню летний лес, заката медный створ,
Воздушный спуск звезды к покосам и озерам.
Я жил спиной к Москве — она, как задний двор,
Ложилась на стекло разорванным узором.
Я жил нигде — меня пускали ночевать.
И бесполезный лес мне был тогда известней
Дороги кольцевой с ее огромной песней,
Какую все равно, откуда начинать.

В начале сентября, в одно из воскресений,
Когда бледнеет мир, куда ни погляди,
Прошли пустым двором в широкий день осенний
Две бабы и мужик с гармонью на груди.
Снижалась на ночлег озябшая Москва,
А эти трое шли внимательно и ровно.
И тихие слова, тяжелые, как бревна,
В воздушной пустоте ложились на места.

Сквозили в голосах терпение и скука,
Лежала синева в чертах спокойных лиц.
Так мертвые сердца лежат в груди без стука
В таежных тупиках и в грохоте столиц.
Из растворенных губ сочился ртутный свет.
Невидимый азот твердел под этим пеньем.
А я смотрел вокруг со скукой и терпеньем
На незнакомый мир, который ими спет.

третий день сидим и едем
звезды зыбкие в строю
мне приснилось что с медведем
в переписке состою

широко свистят колеса
мысли плавают в жиру
ты москва моя каносса
я в америке живу

я червем ушел из банки
не страшит меня уда
и живу теперь с изнанки
многим хочется туда

погоняй железный лапоть
песни долгая тесьма
привыкай дышать и плавать
в легком воздухе письма

точным глазом отмечаю
жизни ровные края
и медведю отвечаю
не скучай душа моя

спасибо сказавшему слово
в сенате обеих столиц
где памятник цезарю слоно-
подобный как время стоит

валдайско-балтийская площадь
в себя винтовое окно
и как августейшая лошадь
из двух ипостасей одно

в какой свою музу ни тискай
из коек у бронзовых морд
для всей византийско-латинской
словесности светит аборт

осанна поющим без титра
садко пузырями со дна
когда от босфора до тибра
молочная речь голодна

За рубежом, в одном подвале,
Ютась под тесною доской,
Я вспоминал, как мы бывали
В тюменской бане городской.
Там рот напрасный улыбая
В зубах как белые слоны,
Блестит Джоконда голубая
С мольберта вымытой спины.
Там человек, сибирский житель,
Плюя на службу и партком,
Снимает валенки и китель
И жопу моет кипятком.
Женатые и холостые
Стремятся выскоблить дыру
Туда, где женщины простые
В крошечном мечутся пару.
В парной кричат: „Наддайте газу!”
Умрешь — и все припомнишь сразу.
Но я воскреснуть не спешу
И в доску плоскую дышу.
Стоит зима в природе шаткой —
Душе невидимый урон, —
А я гляжу, прикрывшись шайкой,
На хляби озера Гурон.

Когда состарятся слова
От долгого труда,
Мы канарейки от слона
Не отличим тогда.
Не будет смысла в слове „пруд”,
„Контора” и „спина”,
Когда от старости умрут
Предметов имена.

Зачем пришли мы в этот мир
Недолгий, как трава,
Где, отработав сотню миль,
Кончаются слова?
Мы произносим их в суде,
Довольные весьма,
И подвергаем их судьбе
Минойского письма.

Когда мы произносим звук,
Когда рисуем знак,
Летит зерно из наших рук,
И вырастает злак.
Его мы в голоде слепом
От всех невзгод храним.
Но осень медленным серпом
Уже ведет над ним.

Я мечтал подружиться с совой, но увы,
Никогда я на воле не видел совы,
Не сходя с городской карусели.
И хоть память моя оплыла, как свеча,
Я запомнил, что ходики в виде сыча
Над столом моим в детстве висели.

Я пытался мышам навязаться в друзья,
Я к ним в гости, как равный, ходил без ружья,
Но хозяева были в отъезде.
И когда я в ангине лежал, не дыша,
Мне совали в постель надувного мыша
Со свистком в неожиданном месте.

Я ходил в зоопарк поглазеть на зверей,
Застывал истуканом у дачных дверей,
Где сороки в потемках трещали,
Но из летнего леса мне хмурилась вновь
Деревянная жизнь, порошок кровью,
Бесполезная дружба с вещами.

Отвинчу я усталую голову прочь,
Побросаю колесики в дачную ночь
И свистульку из задницы выну,
Чтоб шептали мне мыши живые слова,
Чтоб охотничью песню мне пела сова,
Как большому, но глупому сыну.

Сколько лет я дышал взаймы,
На тургайской равнине мерз,
Где столетняя моль зимы
С человека снимает ворс,
Где буксует луна по насту,
А вода разучилась течь,
И в гортань, словно в тюрбик пасту,
Загоняют обратно речь!
Заплатил я за все сторицей:
И землей моей, и столицей,
И погостом, где насмерть лечь.
Нынче тщательней время трачу,
Как мужик пожилую клячу.
Одного не возьму я в толк:
У кого занимал я в долг
Этот хлеб с опресневшей солью,
Женщин, траченных снежной молью,
Тишину моего труда,
Этой водки скупые граммы
И погост, на котором ямы
Мне не выроют никогда?

СОДЕРЖАНИЕ

Сторона моя ленью хитра... 7	7
Твоя земля, твоя до боли... 8	8
Оснастка с тополей, как бронза, облезала... 10	10
Вокзал. Электричка до Риги... 11	11
Природа слов тепла не лишена... 13	13
<i>Звездная баллада</i> 14	14
<i>Медленная баллада</i> 17	17
<i>Генеалогическая баллада</i> 19	19
Дремал на крышах облачный колосс... 21	21
Выйди с вечера к ручью... 23	23
Снова грозы возводят с ревом... 24	24
Серый коршун планировал к лесу... 25	25
Входит ветер, года отмечая... 27	27
И вновь, через годы, без боли и гнева... 28	28
Разлуки истовые свечи... 30	30
Руки вымыты, морды гладки... 31	31
На лавочке, у парковой опушки... 32	32
Что касается любви – малярня мне знакома... 33	33
эти женщины в окне... 34	34
Как небо над заводью, сердце замри... 35	35
<i>Невский триптих</i> 36	36
1. Дальше к западу гулкие стены... 36	36
2. Лунный ливень по выгнутым шеям... 37	37
3. Про себя ты Иов или Каин... 38	38
Подходит лето. Шаг его негромок... 39	39
Надвигается вечер, стахановец в темном забое... 40	40
Я хотел бы писать на латыни... 41	41
Я шел один. Мне было нелегко... 42	42
Опять суетливый Коперник... 43	43

- Каждый знак земли подо мной... 44
В мокрых сумерках осенних... 45
В горький снег окуну рукавицы... 46
Тихий звон в мановение мига... 47
Рассудок – это слишком резко... 48
Внедряя в обиход ночную смену суток... 49
Когда скворцов опасливая стая... 50
К чертям контрапункты – трагедия ищет азов... 51
Ни лица, ни голоса больше... 52
Природа звезд намного превосходит... 53
Полыньями в алую кайму... 54
Каменная баллада 55
Курносая тень принимает швартовы... 57
Полуживу – полуиграю... 58
Судьба играет человеком... 59
Прощание Гектора с Андромахой 60
Плач Андромахи 62
В стороне, что веками богата... 64
Лучше за три сибирские Леты... 65
Жил на свете мальчик детский... 66
Все будет иначе гораздо... 67
448-22-82 69
1. Жжет мои руки чужая жаровня... 69
2. Под взглядом твоим голубиным... 71
3. И когда меня Бог Моисея... 72
Зачем же ласточки старались... 73
Ах, отчего не может сбыться... 74
Пой, соломинка в челюсти грабель... 76
Припомните случай Колумба... 77
Как бы славно перестать... 78
И рождаться, и жить позабудем... 79
До хрипоты, по самый сумрак... 80
Сердце по кругу 81
1. Я уеду за тридцать морей... 81
2. И как эту легкость язык ни зови... 82

3. Время за полночь медленным камнем... 83
5. Наш выбор – не крест, а гитара... 84
6. До восхода успели одеться... 86
- Я „фита” в латинском наборе... 88
- Из пустыни за красной каемкой... 89
- Того, кто к шепоту привык... 90
- Полжизни положено вместе... 91
- Глина многолетнего замеса... 92
- Надо выскоблить пол добела... 93
- Над нами ночь. Места ее гористы... 94
- За кладбищем земля бугриста... 95
- Когда я за Коптевским рынком стерег... 96
- Ситуация А. Человек возвратился с попойки... 98
- Не судите меня, торопливые мальчики детства... 99
- Отсюда солон или сух... 100
- На четверых нетронутое мыло... 101
- На земле пустая лебеда... 102
- Речь перевернута. Щупаю дно головой... 103
- В короткую ночь перелетной порой... 104
- Отсюда в май прокладывают кабель... 105
- Грозный Курбскому – бандероль... 106
- Небо с немочью зубною... 107
- Весь в сазаньих плавниках... 108
- Мы к осени пить перестанем... 109
- Земли доверчивая грудa... 110
- Поставили гром на колеса... 111
- Месяц медленного бега... 113
- Как солнце в облаке тяжелом... 115
- Трехцветную память, как варешку, свяжем... 116
- Оскудевает времени руда... 117
- На смерть В. Набокова* 118
- Я выспался, но света не зажег... 120
- зачем живешь когда не страшно... 121
- человек выходит в поле... 122
- В тот год была неделя без среды... 123

- Я помню летний лес, заката медный створ... 125
третий день сидим и едем... 126
спасибо сказавшему слово... 127
За рубежом, в одном подвале... 128
Когда состарятся слова... 129
Я мечтал подружиться с совой, но увы... 130
Сколько лет я дышал взаймы... 131

Издательство „Ардис“

- Фазиль Искандер, САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА (1978).
Андрей Битов, ПУШКИНСКИЙ ДОМ (1978).
Саша Соколов, МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ
(1978).
Саша Соколов, ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ (1976).
Владимир Набоков, ДРУГИЕ БЕРЕГА (1978).
Владимир Набоков, ОТЧАЯНИЕ (1978).
Владимир Набоков, СОГЛЯДАТАЙ (1978).
Владимир Набоков, СТИХИ (1978).
ГЛАГОЛ 1 (1977).
ГЛАГОЛ 2 (1978)
Лев Копелев, И СОТВОРИЛ СЕБЕ КУМИР (1978).
Владимир Войнович, ИВАНЬКИАДА (1976).
Иосиф Бродский, ЧАСТЬ РЕЧИ (1977).
Иосиф Бродский, КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ
(1977).
Алексей Цветков, СБОРНИК ПЬЕС ДЛЯ
ЖИЗНИ СОЛО (1978).
НЕИЗДАННЫЙ БУЛГАКОВ (1977).
Мандельштам, КАМЕНЬ (1977).
Мандельштам, ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА (1977)
Ахматова, ПОДОРОЖНИК (1977).
Булгаков, ДЬЯВОЛИАДА (1977).
Кузмин, ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД (1978).
Замятин, НЕЧЕСТИВЫЕ РАССКАЗЫ (1978).
Замятин, ОСТРОВИТЯНЕ (1978).
Хлебников, ЗАНГЕЗИ (1978).
Вагинов, КОНСТАНТИН ВАГИНОВ (1978).
Олеша, ЗАВИСТЬ (1978)

Tolstoi Bibliothek

00201836

Введ... ДИ... ИС... ЧИ... ЕНИЙ

Маяк... (1977).